

Многоголосый базар остался позади. Белые стены и белые заборы-дувалы сияли в свете полуденного солнца. Казалось, что ничто живое не в силах выдержать изнурительного зноя. Только об одном мечтал путник — встретить водоноса. Или, быть может, добраться до прохладной тени и испить освежающего зеленого чая.

«О да, конечно, чая... Зеленого чая, и непременно с мятой...»

И, словно по волшебству, прямо перед путником выросли стены харчевни — ароматный дымок готовящегося мяса яснее ясного подсказывал, что хочется уже не только пить, но и основательно подкрепиться.

«Да будет так!» — подумал странник и вошел в запахнутую настежь дверь. Полумрак после ослепительно белых улиц показался непроглядной чернотой.

Но вскоре глаза привыкли, и гость разглядел и длинный стол с деревянными лавками, и горящий очаг, на котором кипел котел под неплотно прикрытой крышкой. Оглушительный запах кофе позволил, пусть и на миг, забыть и об усталости и о том, что цель путешествия еще так далека.

Харчевня была полна народу. Казалось, жара заставила прятаться всех: и жителей соседних улиц, и иноземцев. Вот так, из сетований на невыносимое пекло, и родился общий разговор. Достойные мужчины обменивались вполголоса короткими фразами, при этом полностью соглашаясь со своими уважаемыми собеседниками. Склонялись в поклонах чалмы самых разных оттенков зеленого и черного, синего и винно-красного.

— Увы, мой добрый сосед, — проговорил зеленщик Хасан, которого зной прогнал с базара. — Я не помню столь страшной жары с той поры, когда наш город едва не выжет страшный дракон, что прилетал из-за гор...

— О да, Хасан, я помню те страшные дни... Тогда твоя жена родила первенца...

— Нет, второго. Сына... Мы называли его так же, как назвал своего сына наш царь, да продлит Аллах милосердный его годы без счета, Рахманом...

— Увы, сосед. Твой Рахман остался у тебя в лавке... А вот царский сын...

— А что случилось с царским сыном? — подал голос путник, которого беседа сосе-

дей с каждым мигом занимала все больше. Но более чем беседа, его занимало необыкновенное выражение этих лиц.

— О, добрый странник. Много необыкновенных слов говорилось о втором царском сыне в те дни, когда он был совсем мальчишкой... Еще более странная слава шествовала за ним в годы, что провел он в блистательной Кордове — городе несравненной мудрости и удивительных, особенно для человека молодого, соблазнов. И лишь долгое странствие во славу магараджи Райпура прославило нашего мудрого Рахмана, и ему воздали наконец те почести, которых он вполне заслуживал.

— Не будет ли так любезен уважаемый рассказать мне эту поучительную историю?

— История и в самом деле поучительнейшая. А жара сегодня так изнурительна, что нам предстоит еще не один час до той поры, когда Аллах всесильный смилуется над правоверными, даровав им прохладный вечер. А потому садись поудобнее, путник, возьми в руки пиалу чая и внемли рассказу об удивительных приключениях царевича Рахмана и его избранницах.

Макама первая

— Заметил ли ты миг, когда родился наш сын?

— О да, великий царь.

— И что пророчат ему звезды?

Звездочет замялся. Тон царя был суров, и, разумеется, лгать ему не следовало. Но нельзя же, в самом деле, сказать властелину в лицо, что родился мечтатель и поэт, а вовсе не воин и владыка. Но быть может, это и к лучшему для малыша. Ведь новорожденный — второй сын царя.

Все знали, что сиятельная чета мечтает о дочери. Ибо для династического брака уже был даже избран жених — сын далекой полуночной страны. И ничего, что жениху было всего три года. Редко когда в подобных союзах учитывается возраст будущих супругов. Но теперь, понятно, этому союзу не бывать. И это немало расстраивало царя Сейфуллаха.